

“Мы простлали дорожку грязнохватам”

Солженицына встретили в Тольятти достойно. Его появление на сцене Дворца культуры АО “Синтезкаучук” сопровождалось длительными аплодисментами, часто прерывавшими речь писателя и в дальнейшем. Аплодировал полный зал стоя.

Не любя журналистов и навязываемые этим ушлым народом мероприятия, Александр Исаевич уже в самом начале встречи с некоторым даже раздражением сказал залу: “Вы мне вопросов не задавайте! Иначе это - пресс-конференция, а вы - журналисты, и мне здесь делать нечего. Я пресс-конференций не даю”. Именитый гость, как известно, в частном порядке обезжает российские города, общается с простыми людьми, чтобы узнать их нужды и проблемы.

К микрофонам в зале подходили разные люди: педагог и участник Великой Отечественной, простой пенсионер и бывший узник ГУЛАГа, фермер и работник научно-исследовательского института. Все, о чем они говорили, мы знаем - слышали, читали. Пенсионер с ностальгией вспоминал сталинские времена, фермер говорил о кредитах под непомерные проценты и низких закупочных ценах, бывший зек рассказывал о своей правоохранительной деятельности в те еще годы, педагог спрашивал, каким вырастет новое поколение...

Да, без вопросов не обошлось, хотя и были они частью риторическими. Но многих интересовало мнение самого Александра Исаевича, его личность и некоторые моменты биографии.

С удивительным, даже из глубины зала, хладнокровием Солженицын конспектировал выступления, вроде бы скромно выслушивая упреки в том, что являлся “проповедником западного образа жизни”, участнику травли Шолохова, противнику фракций и партий, призывающим “быть новым Львом Толстым”. Наконец и он взял слово. Выступление приводится с сокращениями.

- К сожалению, многие, по всей видимости, не смотрели моих телепередач по понедельникам - я уже все или почти все сказал! Говорил о преподавателях... О врачах мало говорил - у меня с ними будет ответственная встреча, после нее буду говорить о врачах. О Чечне говорил - предлагал выход нашему правительству в ионе девяносто второго. Нет, вдолбили себе идиотскую мысль: если Чечню отпустим, то развалимся. Крым, казачьи земли нам не нужны, люди на Украине, в Казахстане нам не нужны - соотечественники, Башкирия, Татарстан, лишь бы Чечню не потерять! Что еще говорить о Чечне - всем ясно и понятно, вот так Бог наказывает за неправильные решения...

Земля. Я ехал в Россию с самой жгучей болью - вот-вот примут преступный

закон о земле. Сейчас лучшие центральные газеты и выдающиеся экономисты, всю жизнь проклинавшие капитализм, говорят: свободная продажа с аукциона, кто больше даст. А кто может больше дать - землерой, крестьянин, фермер? Даст грязнохвата. Я не употребляю слов “новые русские” - я не хочу за ними признавать будущее! Или наши грязнохватают советской выпечки, или иностранные быстрые землю, скулят, и мы останемся наемными рабочими без земли и без России. (Аплодисменты.)

Этот строй был утерян с петербургского периода, с нашего Петра, так называемого Великого - и пошло, и пошло. Петр Первый был самый первый большевик. Все сломал - народный характер, народные традиции - с ненавистью, бесмысленно ломал...

Возрождалось земство с серединой девятнадцатого века. Все становилось лучше и лучше. Перед первой мировой войной наша страна была процветающей, она была гордостью планеты. Мы кормили зерном всю Европу, сливочным маслом... Одну минуту. (Шум и крики в зале.) Я понимаю - вам Сталина нужно. А потом начался большевистский переворот... Я не понимаю - чем недовольны, (Голос из зала: “В лаптях ходили при капитализме!”) Ага, понятно, я добавлю: телевидения не было и авиации.

Вы подняли историю, я должен рассказать - я двадцать лет занимался в изгнании только одной историей! Мы в семнадцатом году разрушили великолепнейшую державу. (Аплодисменты.) В совет-

банки?! Сельхозбанк - вот что нам нужно. Который будет землю давать в наследственное пользование бесплатно, по заслугам, с рассрочкой, малым процентом - его нет.

Теперь о выборах. Вы думаете, я что-нибудь хорошее сказал о выборах? Закон о выборах сегодняшний - фальшивый и несправедливый. Потому что мнение семидесяти пяти процентов вообще неинтересно, можете не приходить, пропадите пропадом! Думцы страшно боятся не собрать свои двадцать пять процентов, удушившись за них готовы. Я уже сказал: эту западную систему я не одобряю, но раз уж пошли по западному пути... Надо чтобы те, кто проходит друг против друга, были абсолютно равны, мы должны знать его биографию без утайки, его доходы, расходы, и он должен, как на Западе, освободиться от любого участия в коммерческой деятельности. А у нас половина сегодняшних законодателей вот так запутались в коммерции! (Аплодисменты.)

Спрашивали: неужели один человек перевернет Россию? Ну конечно, нет. Я же говорил о земском соборе. Вот когда вы прошли в Думу не от партии, а сквозь все фильтры, все объяснения и вас признали - там вы сознкомитесь: “Иван Петрович, вы как думаете по такому вопросу, по такому? Вы знаете, и я - давайте объединимся”. И еще кто-нибудь, и будет фракция. Но не так, чтобы партия, не имеющая почти никакого влияния, искусственная, получала столько-то мест. Фракция голосует, и она решает всю нашу судьбу!

А еще: законом разрешено участвовать в выборах лицам, имеющим государственную должность. В Америке с ума сошли! Министр может баллотироваться - он ничего не теряет. А потом он выбирает - туда или сюда. А если он государственную власть имеет хотя бы в своем районе - он ее может применить. Это что - избирательный закон?

Еще я вот что хотел сказать: вы меня не спрашивали, но я получил письма из вашего города. Надо читать свою историю, нужно ее знать. Нашей истории тысяча сто лет. Большевики занимают четырнадцатую часть - столько они и имеют право занять. Я ходил по Ярославлю, это город-герой, который поднял в восемнадцатом году народное восстание против большевиков. Его задушили химическим оружием.

Нашлись знатоки, которые шли со мной по улицам города и рассказывали: здесь было сражение, здесь. Но я читал названия улиц, они почти сплошь - имена тех, кто подавил ярославское восстание.

Я посетил ваш город впервые в тридцать девятом году, мы с товарищем плывли на лодке от Казани, ходили по улицам, любовались этим старинным городом - он и сейчас для меня не Тольятти, а Ставрополь Волжский. Основан самим Татищевым! Я рад был, когда сегодня увидел в мэрии бюст основателя города. Но...

Я не хочу влиять на ваши референдумы, ваше мнение, но выскажу свое мнение. Кто был Тольятти? Коминтерновец, да такой, который сумел пережить при Сталине все волны арестов. Он Сталину угодил. Кровь в Испании нужно было пролить - его послали. Приказ о распуске Коминтерна подписать нужно - и это он сделал. И имя этого человека мы присваиваем такому огромному, перспективному городу! Ваша воля, ваша судьба...

Я благодарю тех, кто меня ругал, и тех, кто поддерживал. Я сегодня уеду, а вы общайтесь друг с другом, пожалуйста, побольше. И я очень прошу, я кланяюсь - по понедельникам без пятнадцати десяти, раз в две недели - слушайте меня по телевидению. Я стараюсь говорить для всей России. И очень скоро, возможно, мои слова прекратят...

**Записала
Надежда БИКУЛОВА.
Фото Владимира ХОЛОДА.**

